

**ЖЕМЧУЖИНА
ДЛЯ
ЮДЕНИЧА**

НАТАЛЬЯ ПОТТО

Наталья Потто

Жемчужина для Юденича

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67843593

SelfPub; 2022

Аннотация

Ташкент – столица Туркестанского края, манящего и отталкивающего, подарит генералу Юденичу любовь всей его жизни.

Наталья Потто

Жемчужина для Юденича

Александра.

Александра, открыла глаза и поняла, что еще довольно рано.

В комнате было немного прохладно и совсем не хотелось вылезать из кровати в это морозное декабрьское утро.

Она бросила мельком взгляд на свою, светло пудрового цвета комнату, в которую переехала три дня назад, и где знала всё до мелочей с самого детства.

Посмотрела на два окна зашторенных золотой парчой, и отвернулась, укутавшись с головой в шелковое пуховое одеяло, будто пытаясь спрятаться от проблем.

Через секунду Александра вновь повернулась к ближнему окну, возле которого у стены стоял столик с зеркалом, пристально вглядываясь в узкую щель, между шторами, через которую пробивался необычный холодный белый свет. Она резко на отмах скинула с себя одеяло, присела на край кровати и не отрывая взгляда от окна, пальцами ног стала нащупывать свои домашние туфли, стоящие на красном небольшом коврикe. Надев туфли, Александра, словно боясь кого-то спугнуть, очень осторожно встала с кровати.

Между кроватью и столиком с зеркалом, стояло бархатное кресло розово-фиолетового цвета, на котором небрежно ле-

жала большая вязанная белая шаль с длинными кистями.

Александра все еще, как зачарованная, продолжала смотреть на окно и рукой пыталась ухватить шаль с кресла, что ей никак не удавалось.

Наконец взяв и накинув на плечи шаль, Александра подошла к окну и резким движением раздвинула шторы.

– Снег! – на выдохе произнесла Александра и улыбнулась.

Вернувшись к кровати, она сняла с себя шаль и также небрежно бросила ее на кресло. Стянув с кровати свое одеяло, Александра укуталась в него и села на широкий подоконник, на котором лежали несколько небольших подушек.

– Надо же? Снег! – опять тихо произнесла Александра.

Это был первый снег, он шел всю ночь, и к утру его уже было по колено.

Александра, по-детски радуясь, смотрела на идущий большими хлопьями снегопад, покрывающий еще совсем безмятежно пустующую улицу, принадлежащую их семье, и девственную красоту природы.

Через какое-то время на улице появилась детвора, и как стайка воробьев громко чирикавая, бегали взад и вперед, нарушая покой жителей улицы Жемчужниковской, и наслаждаясь довольно редким и быстротечным явлением в этих краях.

Александра всегда любила, и могла часами сидеть на подоконнике наблюдая за происходящим за окном. Этим утром, снег, как чистый лист бумаги предлагал ей переписать свою

жизнь заново. От раздумий отвлек стук в дверь.

– Барыня, вы уже встали? А я, вас к завтраку пришла разбудить. Вы, видели сколько снега намело? – протараторила вошедшая служанка.

Девушке было лет восемнадцать, ее золотистые кудряшки, тщательно собранные в косу, так и пытались вырваться из пряди.

Александра молча посмотрела на девушку, но ничего не сказала, ей совсем не хотелось выходить из того душевного состояния, в котором она сейчас пребывала.

Но девушка не уходила, стояла молча и неподвижно.

– Чего тебе? – нехотя спросила Александра.

– Игорь Викторович спрашивают, выйдете ли вы к завтраку, им надобно поговорить с вами, – очень осторожно, боясь своего вопроса, произнесла служанка.

При упоминании имени Игоря Викторовича, на лице Александры невольно появилась гримаса отвращения и весь сказочный мир, которым она только, что наслаждалась, вопросом служанки вернул ее к реальности, о которой она совсем не хотела думать.

– Скажи, вечером поговорим, – ответила Александра и отвернулась к окну.

– Так вы уже это третий день говорите, – с той же нерешительностью, сказала девушка.

Александра была сильно удивлена настойчивости служанки. Она встала с подоконника и все также кутаясь в одеяло

подошла почти в плотную к девушке.

– А ты иди и скажи, как велено, ведь за рассуждения тебе жалования не платят, – твердым, но спокойным голосом произнесла Александра.

Служанка сделала реверанс и быстро покинула комнату. Александра закрыла дверь и с разбега по-детски рухнула на кровать.

Штаб-ротмистр Игорь Викторович Сычев, приходился Александре законным супругом. Он был старше ее на пару лет. Смазливая внешность юноши, со временем перестала быть главенствующей и первое очарование заставляющее когда-то чаще биться ее юное сердце, всего за год супружеской жизни совершенно исчезло.

Почему она вышла замуж именно за него, оставался открытым вопросом не только для всех окружающих, но теперь и для нее самой.

Александра уютно улеглась в кровать и в дверь снова раздался стук.

– Что тебе еще? – приподнявшись, немного нервно и громко спросила Александра.

– Санечка, ты чего с утра такая не добрая? – спросила улыбаясь, вошедшая в комнату старшая сестра Александры, Екатерина.

Екатерина, приехала с годовалым сыном Ильей в гости пока её муж полковник Василий Иванович Покотило, получив назначение осваивался в новой должности старшего адъ-

ютанта в штабе Виленского военного округа.

– Я подумала, что это Настя опять пришла, – ответила Александра.

Екатерина, сняла туфли и легла в постель к Александре.

– Представляешь, она еще имеет дерзость указывать мне, когда я должна разговаривать с Сычевым, – пожаловалась Александра.

– Ой, доиграешься сестренка, уведет какая ни будь гимназистка твоего Сычева, будешь потом локти кусать, – пошутила Екатерина.

– Сычева? Я, конечно, не знаю, что он больше любит, меня или мои деньги? Но в любом случае он очень сильно рискует, сделать столь опрометчивый шаг, – рассмеялась Александра.

Приданное сестер и впрямь было баснословным. Их отец, полковник Николай Павлович Жемчужников происходил из древнего дворянского рода, бравшего начало, по семейной легенде, от принца Османской империи, и тесно переплелся с Разумовскими, Оболенскими, Толстыми и многими другими древними и знаменитыми российскими родами.

Сам же Николай Петрович был не менее легендарной личностью. Пришел в Ташкент с отрядом генерала Черняева и с тех пор оставив военную службу, занялся торгово-промышленными делами, построил винокурный, водочный и два пивоваренных завода, став одним из богатейших и знаменитых людей не только в Ташкенте, но и во всем Туркестанском крае.

Когда Александре исполнилось тринадцать лет, отец ушел из жизни. Старшая сестра Мария была на тот момент уже замужем за начальником Зеравшанского округа генерал-майором Яфимовичем Алексеем Михайловичем, но не смотря на значительную разницу в возрасте между супругами, в тридцать лет, вскоре и Мария уйдет за отцом.

Единственный брат, подпоручик Владимир Жемчужников, тогда только женился на дочери Директора Ташкентской мужской гимназии Остроумова Николая Петровича, Александре.

Теперь в их семье было две Александры Николаевны, и было принято решение Александру домашние звали Санечка, а жену Владимира – Шурочка.

– А ты представь, вдруг так и будет, – Екатерина чуть приподнялась и посмотрела внимательно на Александру.

– Ну, пусть попробует, а там и поглядим, – ответила Александра и стала щекотать Екатерину. Общее веселье прервал стук в дверь и резкое открытие двери в комнату Александры.

– Веселитесь? – спросила строго, вошедшая Елизавета Христиановна.

Елизавета Христиановна, мать сестер, была женщиной деловой и серьезной. После смерти мужа, она открыла на Воскресном базаре три кабака, и в любую погоду, каждое утро, не нарушая традиций, направлялась проверять свои владения.

– Александра, ты вот не с сестрой, а со своим мужем долж-

на сейчас лежать в одной постели, – начала поучать Елизавета Христиановна.

– Ой, пустое это все, – ответила Александра махнув рукой.

– Что значит пустое? Ты долго собираешься игнорировать своего мужа? Год всего, как замужем, а уже по разным комнатам. Не по-христиански это, – возмущалась Елизавета Христиановна.

– А если я его не люблю? – с надеждой на понимание сказала Александра.

– А не ты ли мне ровно год назад в этой самой комнате, говорила, что любишь его и лучшего мужа во всем Туркестане не сыскать? – немного ехидно напомнила Елизавета Христиановна.

– Я ошибалась, – тихо сказала Александра.

– Ошибалась? – искренне удивилась Елизавета Христиановна.

– Барыня, коляска готова, – донесся голос Насти из-за двери.

– Бери пример с сестры. Подарила бы мне внука, и в голове всякой дури по уменьшилось бы, – сказала Елизавета Христиановна и развернулась чтобы уйти.

– Зачем он вам? – спросила Александра поднявшись и делая вид, что уже встает.

– Дети родителям нужны, для продолжения рода и дальнейшей опоры в старости, – ответила Елизавета Христиановна.

– Для продолжения нашего рода у нас Владимир есть, – ответила Александра пряча улыбку. Екатерина тоже еле сдерживала смех.

– Третий десяток, а все, как дети малые, – сказала Елизавета Христиановна, махнула рукой и стала выходить из комнаты.

– Мамусечка, мы вас очень любим, – одновременно сказали Александра и Екатерина.

– А ну вас, – донесся из коридора голос Елизаветы Христиановны.

Александра с Екатериной рассмеялись, посмотрели друг на друга и одновременно упали на подушки, накрывшись одеялом с головой.

Александрe шел двадцать первый год, Екатерине было двадцать три, сестры были очень похожи, среднего роста, стройные, с вьющимися темно-русыми волосами, только у Александры глаза были зеленые, как у матери, а у Екатерины карие, как у отца.

Елизавета Христиановна вышла на улицу, снег уже не шел, она вздохнула свежий воздух полной грудью, села в коляску и поехала на Воскресный базар проверить работу своих питейных заведений.

Зайдя в кабак, где уже за столами сидело несколько завсегдатых посетителей, Елизавета Христиановна, не обращая внимания, сразу направилась в свой рабочий кабинет.

– Доброго утречка Елизавета Христиановна, – басистым

голосом, сказал стоявший за стойкой бармен, вытиравший посуду.

– Степан зайди ко мне, – строго сказала Елизавета Христиановна, пройдя мимо и даже не посмотрев на бармена.

Степан, чей вид, никогда не вызывал ни у кого из посетителей желания вступить с ним в полемику, махнул рукой официанту, чтоб тот посмотрел за барной стойкой, а сам молча пошел следом за хозяйкой.

– Степан, сейчас должен прийти господин Филатов Дмитрий Львович, проводи его ко мне без промедлений и заодно проследи, чтобы никто не позволил ничего вольного в его адрес, и сразу потом принеси кофе, – сказала Елизавета Христиановна снимая шубу.

– Так понятное дело. В первый раз что ли? – ответил Степан, поглаживая свой фартук.

– Ну все иди, – сказала Елизавета Христиановна и села за большой стол, стоявший возле окна.

Какое-то время Елизавета Христиановна смотрела в окно, наблюдая, как постепенно оживает жизнь на базаре, занесенном снегом, и с ее места хорошо были видны еще два ее кабака. Потом она открыла амбарную книгу, почему-то тяжело вздохнула и начала, что-то в ней проверять, подсчитывать и записывать.

Через полчаса в кабак вальяжно вошел купец первой гильдии Филатов Дмитрий Львович. Он осмотрел бегло весь кабак и остановил свой взгляд на Степане.

– Елизавета Христиановна у себя? – спросил Дмитрий Львович Степана, осматривая того снизу вверх.

Внушительная разница в росте между Степаном и Филатовым ничуть не смущала последнего.

– У себя! Ждут Вас, – ответил Степан, опять махнув полотенцем официанту, чтобы тот присмотрел за барной стойкой, а сам поспешил проводить Филатова до двери кабинета Елизаветы Христиановны.

Постучав в дверь и тут же открыв ее, пропуская вперед Филатова, сообщил о его прибытии.

Увидев вошедшего Филатова, Елизавета Христиановна встала из-за стола и направилась навстречу.

– Несравненная Елизавета Христиановна, теперь я понимаю почему вы здесь обитаете, – широко улыбаясь сказал Дмитрий Львович.

– Почему? – искренне удивилась Елизавета Христиановна.

– Чтобы годы, вас не нашли! – объяснил, рассмеявшись Дмитрий Львович.

– Да полноте вам, я думала, что вы о чем серьезном, а вы все шутите, – отмахнулась рукой немного смутившаяся Елизавета Христиановна.

– А я и не шучу, сколько лет вас знаю, а вы все такая же, – сказал Филатов, поцеловав руку Елизавете Христиановне.

Затем сняв с себя шубу, огляделся куда ее повесить, Елизавета Христиановна хотела уже забрать ее у Филатова, но

тот увидев в углу вешалку, остановил жестом руки, что сам ее повесит.

В другом углу комнаты стоял небольшой столик и два кожаных кресла, куда Елизавета Христиановна и предложила присесть. Только устроившись в креслах, раздался стук в дверь и вошел Степан, держа на подносе кофейник, две чашки, сахарницу и маленький кувшинчик со сливками.

– Спасибо Степан, можешь идти, – сказала Елизавета Христиановна, как только тот поставил поднос на столик.

– Может чего по крепче принести? – спросил на всякий случай Степан.

Филатов улыбнулся.

– Если, что понадобится я тебя позову, а сейчас ступай, – ответила Елизавета Христиановна, после чего Степан вышел.

– Где вы их только находите? – спросил Дмитрий Львович.

– Кого? – разливая кофе по чашкам, спросила Елизавета Христиановна.

– Да работников своих, я подле них чувствую себя «дядькой Черномором», – поглаживая свою бороду, пояснил Дмитрий Львович.

– Даже не знаю, как-то само-собой получается, – ответила, улыбнувшись Елизавета Христиановна, протягивая чашку Филатову.

– О горячий кофе, это замечательно, – потирая руки сказал Филатов.

– Я, конечно, из тех побуждений, что «Королю виноделия» предлагать свой товар, как-то не с руки. Но если чего покрепче, водки или коньячку? Я Степана позову, – уже вставая с места предложила Елизавета Христиановна.

– Спасибо, не надо, дел с утра безмерное множество, – делая глоток кофе, и показывая рукой сесть обратно, сказал Дмитрий Львович.

Елизавета Христиановна вернулась в прежнее положение.

– Вы прекрасно знаете, что я здесь, потому что, был дружен с вашим покойным супругом, и мое уважение к нему и его семье непоколебимо, – твердо сказал Дмитрий Львович.

– Спасибо вам, я право ценю все что вы делаете, но хотелось бы вас пожурить. Вы, совсем перестали навещать нас в гости, – сказала Елизавета Христиановна.

– Каюсь, ваша правда. Разрываюсь между Ташкентом и Самаркандом. Но обещаю вам, что в ближайшее время, непременно загляну в гости, – улыбнулся Филатов.

– Ну вот и славно, – улыбнулась Елизавета Христиановна.

– Тогда давайте перейдем к делу? – спросил Дмитрий Львович, поставив чашку на стол.

– Давайте, – улыбнулась Елизавета Христиановна и пошла брать какие-то бумаги с большого стола.

В кабаке стал прибавляться разночинный народ, оправдывая народное название Воскресного базара – Пьян базар.

После того, как все дела были закончены, Филатов вышел в сопровождении Елизаветы Христиановны из ее кабинета.

– Не господином Филатовым ли вы будите, добрый человек? – раздался голос мужчины из-за дальнего стола.

– Степан, – дав понять, чтобы посетители не приставали к ее гостю, сказала Елизавета Христиановна.

– Он самый, – ответил немного удивленно Филатов, остановив жестом руки вышедшего из-за барной стойки Степана.

– А правду люди говорят, что вы для генерала Скобелева в Бухаре тайно сведения добывали, когда туда ни одного русского не пускали? – спросил опять тот же голос.

Филатов подошел к столу, за которым сидели два старых служивых и пили водку закусывая квашенной капустой.

– Правда, и такое было, – ответил, улыбнувшись Филатов, все еще не понимая проявленному к нему интереса.

– Вот, мы хотим с мои товарищем угостить вас и выпить с нами за русского солдата, – протягивая чарку налитую до краев, сказал мужчина.

– А давайте, лучше я вас угощу? И вы, помяните за меня всех русских солдат, – сказал Филатов, подняв руку и посмотрев на Степана.

Степан посмотрел на Елизавету Христиановну, та положительно кивнула головой.

Подбежавший к стойке официант, взял поднос, на который Степан поставил бутылку водки и миску с квашенной капустой и молниеносно поставил его на стол перед Филатовым.

– Запиши на мой счет, – тихо сказал Филатов, взяв бутыл-

ку и осматривая ее.

– За счет-с заведения-с, – ответил официант.

Филатов посмотрел на Елизавету Христиановну, всё еще стоящую у двери своего кабинета, и та ему улыбнулась.

Служивые всё это время не сводили глаз с бутылки в руках Филатова, и как только он поставил ее на стол, то тут же принялись ее разливать забыв казалась обо всем и радуясь новой бутылке.

Филатов еще раз посмотрел на Елизавету Христиановну, слегка поклонился ей в знак прощания и направился к выходу.

– Здоровьечка вам господин хороший и долгие лета, – услышал Филатов, уже выходя из кабака голос одного из служивых.

Вечером семья собиралась в гостиной к ужину.

Александра еще раз посмотрела в зеркало, слегка поправив прическу, вздохнула и вышла из комнаты. Закрывая за собой тихо дверь, она прислушивалась к голосам, доносящимся из гостиной и поняв, что ее мужа еще нет, уверенно вошла в гостиную.

За столом сидели Елизавета Христиановна и Екатерина со своим малышом.

– Ну всё заберите Илюшеньку, ему уже спать пора, – сказала Елизавета Христиановна, стоявшей позади Екатерины, няне.

Екатерина поцеловала сына, отдала его девушке, та, взяв

малыша вышла из гостиной.

– Добрый вечер, – поздоровалась Александра.

– Настя, вели к столу подавать, – тут же сказала Елизавета Христиановна служанке.

– А мы, что Сычева ждать не будем? – улыбаясь спросила Екатерина.

Александра вопросительно посмотрела на сестру.

– Он человек военный и должен знать, что такое дисциплина, – ответила Елизавета Христиановна.

Во входную дверь раздался звон колокольчика.

– Радуйся, вот и твой Сычев пожаловал, – ехидно сказала Александра Екатерине.

– Так он не мой, а твой, – почти смеясь ответила Екатерина.

– Девочки, – прервала перепалку Елизавета Христиановна.

– Дамы! Всем добрый вечер. Извините за опоздание, – сказал вошедший Сычев.

– Игорь Вячеславович, вы опять опаздываете, – недовольным тоном сказала Елизавета Христиановна.

– Служба, – извинился Игорь Викторович.

Потом обойдя стол, Сычев подошел к Александре.

– Добрый вечер, дорогая, – сказал Сычев и хотел поцеловать Александру в щеку, но та отвернулась.

Сычев, не придавая никакого значения выходке Александры, опять обошел стол и сел возле Екатерины.

– Ну раз мы все в сборе, давайте поговорим о вас, – сказала Елизавета Христиановна, посмотрев сначала на Александра, затем на Игоря Викторовича.

Александра, подносящая ложку супа ко рту, застыла и только подняла глаза на мать вопросительно посмотрев на нее.

Екатерина, не ожидая такого поворота событий, подавилась и начала кашлять.

Только Сычев, озирая всех, сидел с довольным выражением лица.

– Это обязательно надо делать, здесь и сейчас? – спросила наконец вышедшая из оцепенения Александра.

– Да, я хочу знать, до коле это все будет продолжаться? – строго ответила Елизавета Христиановна.

– Может мы сами? – спросила Александра, не желающая выносить на общее обсуждение свою личную жизнь.

– Нет, мой дом, мои правила, – твердо настаивала Елизавета Христиановна.

Александра посмотрела на довольную физиономию своего супруга, которому явно всё происходящее очень нравилось.

– Спать я с ним в одной комнате не буду, – твердо сказала Александра и резко встала из-за стола.

– Сядь, – чуть повысила тон Елизавета Христиановна.

– Елизавета Христиановна, может мы и впрямь сами с Шурочкой все обсудим? – как будто испугавшись гнева

Александры, вступился Сычев.

Последняя фраза Игоря Викторовича, просто dokonала Александру.

– Какая я тебе Шурочка? Сколько можно повторять, что Шурочка – это жена Владимира, – гневно сказала Александра.

– Ну извини дорогая, – пытаюсь выглядеть совершенно спокойным, ответил Сычев.

Александра опять встала из-за стола чтобы уйти.

– Вы хотите знать, что будет дальше, извольте. Спать я с ним больше не буду, но если вы переживаете из-за различных толков в обществе, то там все правила хорошего тона будут соблюдены. Вы, довольны? – с большим самообладанием произнесла Александра и направилась к двери.

– Александра вернись к столу, – крикнула Елизавета Христиановна.

– Спасибо, я наелась, – ответила Александра выходя из гостиной.

– Маменька, ну правда, зачем вы так? – попыталась заступиться за сестру Екатерина, и направилась следом за Александрой.

– И ты туда же, – немного расстроилась Елизавета Христиановна.

– Елизавета Христиановна, да не переживайте вы так, все образуется, – попытался успокоить тещу Игорь Викторович, оставшись за столом с ней вдвоём.

– Ой, вы хоть помолчите. Кушайте лучше, а то всё стынет, – раздраженным тоном сказала Елизавета Христиановна.

Екатерина осторожно постучала в дверь и вошла в комнату. Александра лежала на кровати и тихо плакала в подушку.

– Чего тебе? Скажи, что ужинать я не буду, – не поднимая головы произнесла Александра.

– Санечка, ну, что за день? Второй раз ты меня с прислугой путаешь, – пытаюсь немного развеселить сестру, сказала Екатерина.

– А это ты, – Александра поднялась, села на край кровати и начала вытирать слезы.

– Санечка, хорошая моя, успокойся, – Екатерина присела на кровать рядом с сестрой и обняла ее.

– Ну не люблю я его. Катён, ну что мне делать? Как, дальше жить? – спросила Александра Екатерину, положив голову ей на плечо.

– А раньше любила? – осторожно спросила Екатерина.

– Думала, что люблю. Ведь когда я его увидела впервые на балу, он был такой красивый, в белой форме, загорелый блондин с голубыми глазками. Ведь все дамы, как пчелы, начали возле него крутиться словно он был обмазан мёдом. Он казался тогда таким не досягаемым и тем самым необыкновенно желанным... – Александра старалась быть честной с сестрой.

– Наша маленькая принцесска, увидела новую красивую

игрушку и во чтобы то ни стало решила ее заполучить. А наигравшись, как всегда, потеряла к ней интерес? – спросила Екатерина.

– Да... нет... ну не знаю, – Александра отчаянно пыталась найти правильный ответ.

– А что теперь хочет наша маленькая девочка? – спросила Екатерина.

– Я хочу, такого мужчину от которого бы веяло мужественностью. Чтобы, когда он просто смотрел на меня, то замирало бы сердце, а когда подходил близко-близко, то я не могла бы дышать. Когда дотрагивался бы до меня, то по всему телу пробегала бы дрожь, а когда обнимал и прижимал к себе, то я бы хотела, чтобы он никогда не отпускал больше меня. Чтобы здесь в животе мотыльки кружились. Понимаешь? – Александра вопросительно посмотрела на Екатерину.

Екатерина сидела молча и глаза начали заполняться слезами.

– Катён, ты чего? – удивилась состоянию сестры Александра.

– Конечно, я понимаю тебя. У меня с моим Васенькой точно также происходит, как ты сказала, – ответила, улыбнувшись Екатерина.

– Так чего ты плачешь? – спросила Александра.

– Ничего, Васеньку своего вспомнила, и поняла, что так сильно по нему скучаю, – вздохнула Екатерина.

– Вот видишь, и я хочу чтобы так же скучать. Твой Васи-

лий Иванович сам своих чинов добился и у Машеньки тоже муж был генералом, а Сычев все чины только благодаря нашей маменьки имеет. Ничего ему не надо, ведет себя, как принцесса персидская, – Александра встала и подошла к окну.

– Постой я сейчас немного не поняла. Ты, про Машеньку вспомнила, это ты что ли мужа старого хочешь? – совершенно серьезно спросила Екатерина.

Александра медленно повернулась и внимательно широко раскрытыми глазами посмотрела на сестру. Екатерина по взгляду Александры поняла, что сказала глупость. Сестры, еще несколько секунд смотрели друг на друга молча, а потом рассмеялись.

В дверь раздался легкий стук и вошла Елизавета Христиановна.

– Катерина у тебя там Илюшенька, что-то капризничает, поди погляди, – сказала Елизавета Христиановна, явно желающая остаться с Александрой в комнате наедине.

Екатерина молча встала с кровати и вышла из комнаты закрыв за собой дверь.

Александра отвернулась к окну.

– Девочка моя, не сердись на меня, – сказала Елизавета Христиановна, присев на край кровати.

Александра продолжала стоять молча.

– Ты думаешь, что мне всё равно, а у меня за тебя больше, чем за остальных, сердце болит, ты же у меня самая млад-

шенькая. И ты всегда должна помнить, чтобы ты не сделала, я всегда буду только на твоей стороне, – голос Елизаветы Христиановны задрожал.

Александра повернулась и посмотрела на мать, увидев мокрые глаза Елизаветы Христиановны, она быстро подошла, присела перед ней и обнявши положила свою голову ей на колени.

– Я с первой минуты понимала, что он не для моей девочки. А что теперь делать то? – Елизавета Христиановна гладила Александру по голове.

– Ничего, как любил поговаривать папенька, прорвемся, – ответила тихо Александра.

– О да это было его любимым выражением, – Елизавета Христиановна улыбнулась и женщины обнялись.

Прошло две недели и наступил день, когда в Доме генерал-губернатора должен был состояться бал по случаю наступающего нового 1892 года. Жемчужниковы были приглашены в полном составе.

Александра вышла к завтраку, когда Елизавета Христиановна и ее муж ушли. За столом сидела только Екатерина.

– Доброе утро, – сказала Александра входя в гостиную.

– Ну ты горазда спать, так все на свете проспичь, – улыбнулась Екатерина.

– А куда мне торопиться, это у вас у всех заботы, а у меня сплошные серые дни, – с ноткой грусти ответила Александра.

– Ты это брось, и у тебя все обязательно будет хорошо, – настаивала Екатерина.

– Да откуда же этому хорошему взяться? – улыбнулась Александра, села нехотя за стол и налила себе уже холодный кофе.

– Он же уже остыл, надо сказать, чтобы подогрели, – забеспокоилась Екатерина.

– Не надо, – ответила Александра, взяла ломтик хлеба, намазала его маслом, потом посмотрев на свой бутерброд и с такой же неохотой откусила.

– Санечка, сегодня же бал, а ты уже выглядишь, как будто три ночи не спала, – Екатерине совсем не нравилось упадническое настроение сестры.

– Бал сегодня? – искренне удивилась Александра.

– Боже Санечка, да что с тобой происходит, ты ведь всегда такая живая, веселая, – Екатерина очень беспокоилась о душевном состоянии сестры.

– Катён, а для кого стараться? – с безразличным видом ответила Александра.

– Ты маменьке обещала, что в обществе будешь вести себя, подобающе, – сердилась Екатерина.

– В обществе буду, а дома не хочу, – не обращая внимание на возмущения сестры ответила Александра.

– Ну так не пойдет, – сказала Екатерина, встала из-за стола и подошла к Александре.

Александра хотела откусить бутерброд, но застыла, уди-

вившись воинственному виду Екатерины.

– Ты что меня бить собралась? – меланхолично спросила Александра.

– Если надо, то и побью, – с серьезным тоном ответила Екатерина присев рядом с Александрой.

– Интересно посмотреть, – усмехнулась Александра.

– Санечка надо смириться и жить дальше, – Екатерина положила свою руку на руку Александры.

– А если я не хочу мириться? – практически прокричала Александра, резко встав со стула.

– Тогда борись, – так же громко ответила Екатерина, вставая перед Александрой.

– Как? Как бороться? – Александра размякла и заплакала. Екатерина обняла Александру.

– Мы что ни будь обязательно придумаем, – начала успокаивать Екатерина.

– Да что можно придумать? – спросила Александра посмотрев на сестру.

– Ну конечно твой Сычев сам собой не рассосется. Но надо пока думать, что ты еще встретишь того, кто предназначен тебе судьбой, с кем ты проживешь долго и счастливо, – воодушевленно сказала Екатерина.

– Я не поняла, ты сейчас, что с Сычевым предложила сделать? – немного настороженно переспросила Александра снова присев на стул.

– Да бог с тобой, я даже никаких таких глупостей не пред-

лагала, и ты из головы выкини. Я сказала, что твой принц на белом коне где-то в пути и мы все его обязательно дождемся, а там дальше и будем думать, как быть, – стала оправдывать Екатерина.

– Мне кажется, что у этого принца давно конь сдох и он просто идет пешком, – улыbnулась Александра.

– Не важно, пешком он идет или на четвереньках ползет, самое главное, чтобы двигался в нужном для нас направлении, – успокоила Екатерина.

Александра поднялась со стула и обняла Екатерину.

– Ну вот и замечательно. Будем на бал, собираться? – спросила Екатерина, заглядывая в глаза Александре.

– Будем, – немного повеселев ответила Александра.

Генерал-губернатор Туркестанского военного округа вдовствующий барон Александр Борисович Вревский прибыл в Ташкент тремя годами ранее в сопровождении молоденькой и довольно симпатичной воспитанницы Лазаревской и её гувернантки англичанки мисс Горн. Воспитанницу барон практически сразу же удачно выдал замуж за своего адъютанта князя Александра Александровича Гагарина, а гувернантка осталась и по Ташкенту поползут слухи с возведением её в ранг пассии.

Барон Вревский был человеком мягким и добродушным. Изнеженный роскошью высшего общества Петербурга, он старался в дали от привычной когда-то изысканности окружать себя комфортом, мало заботясь о вверенном ему крае.

При входе на бал, как и положено правилам этикета, всех встречал сам Вревский, но смущение прибывающих, вызвала мисс Горн, стоящая рядом с бароном которая также встречала гостей на правах хозяйки дома.

Первыми вошли Елизавета Христиановна и Екатерина.

– Госпожа Жемчужникова, госпожа Покотило, господин Сычев с супругой, – провозгласил специальный человек проверяющий приглашенные.

– Добрый вечер дамы, – неожиданно для дам поприветствовала мисс Горн.

Жемчужниковы относились к «сливкам» Ташкентской знати, и данная ситуация вызвала у Елизаветы Христиановны недоумение, которое сказалось на её лице.

– Елизавета Христиановна, Екатерина Николаевна, выглядите великолепно, – сразу постарался сгладить ситуацию Вревский, переключая внимание дам на себя.

– Добрый вечер, – так же невозмутимо поприветствовала мисс Горн Сычева и Александру.

Сычев как будто стараясь услужить генерал-губернатору поцеловал руку мисс Горн.

Александра потеряла дар речи от возмущения, и только улыбнулась, по приветствующего её, губернатору.

Пройдя немного вперед, Александра оглянувшись по сторонам, резко выдернула свою руку из руки Сычева.

– Поди прочь, – тихо сквозь зубы произнесла Александра.

– Да что случилось, то? – не понимая спросил Сычев.

– Ты меня позоришь, – так же сквозь зубы ответила Александра.

– Чем? – с наивным взглядом переспросил всё еще не понимающий Игорь Викторович.

– Ты поцеловал руку гувернантке, – возмущенная бестолковости мужа прошипела Александра.

– Но мы же все знаем, кем она приходится барону, – с улыбкой ответил Сычев.

– Да хоть даже императору, она кем-то бы приходилась, она в первую очередь – гувернантка, – ответила Александра и пошла вперед.

– Его Высочество Великий князь Николай Константинович с супругой, – раздался за спиной голос глашатая и Александра остановилась.

– Ой, давайте без регалий, просто – господин Искандер, – вдруг прервал Николай Константинович, напрочь перепугавшегося глашатая.

– Господин Искандер с супругой, – не уверенным голосом произнес глашатай.

Князь довольный самим собой, подошел в Вревскому.

Всем стало интересно, как теперь поведут себя барон Вревский и мисс Горн. Наступило молчание.

В Ташкенте никогда и никто не позволял себе забывать, кем на самом деле был Романов Николай Константинович, практически вычеркнутый из императорского семейного древа и лишённый всех титулов, для всех он оставался Ве-

ликим Князем. И как показала жизнь, очень часто когда-то опальные персоны потом становились во главе государства Российского.

– Князь, Надежда Александровна, рад видеть столь высоких гостей в своем доме, – Вревский поцеловал руку княгине.

Надежда Александровна внимательно посмотрела на мисс Горн и не понимала, что та здесь делает.

– Князь, разрешите представить вам, мисс Горн, – перебил мысли княгини Вревский тем самым введя ее в легкое недоумение.

Гости оживились и пошло перешептывание.

Князь хоть и был опальным, но он все же был монаршей крови, внук Николая I и то, что Генерал-губернатор позволил себе представить гувернантку бывшей воспитанницы, Николаю Константиновичу вызвало у всех присутствующих тихое негодование.

Мисс Горн, совершенно не обращая внимание на пересуды за спиной, протянула Князю руку для приветствия.

Николай Константинович совершенно со спокойным выражением на лице поздоровался с мисс Горн и тут же резко повернувшись к швейцару взял его руку и стал трясти на глазах у всех, затем с высоты своего роста, так же спокойно огляделся, нет ли еще кого с кем надо поздороваться.

– Идем Наденька, – сказал Николай Константинович, взяв под руку, стоявшую не подвижно всё это время жену, и на-

правился в зал.

После этого все дамы проходящие мимо мисс Горн, с не скрывающей насмешкой и высокомерием смотрели на нее, после чего она вынуждена была удалиться и до конца празднования ее больше никто не видел.

Александра, настроение которой было опять сведено к нулю, ни сказав никому ни слова уехала домой.

По среди ночи Александру разбудила Екатерина.

– Санечка куда ты подевалась? Вставай? – тормошила тихо сестру Екатерина.

– Зачем? Сколько время? – никак еще не проснувшись, потирая глаза спросила Александра.

– Ну как это зачем? Гадать надо, – настаивала Екатерина.

– Гадать? Зачем? – опять спросила не собирающая просыпаться Александра.

– Да что ты заладила, зачем да зачем. Мужа нового кто хочет, ты или я? – спросила Екатерина.

Александра резко открыла глаза.

– Пошли на улицу, только не спрашивай зачем, пошли, – сказала загадочно Екатерина.

Накинув пальто девушки вышли на улицу. В одной руке Екатерина держала сапожок Александры.

– Если сейчас спросишь меня, зачем, я тебя убью, – видя вопросительный взгляд сестры сказала Екатерина.

– Я просто хотела узнать который час? – все еще не понимая, чем они будут заниматься, спросила Александра.

– Три после полуночи. Ты сейчас бросишь через забор сапожок и куда он носом ляжет оттуда жениха и ждать надобно, а у первого прохожего имя спросим, так суженного значит звать твоего будут, – быстро почти шепотом сказала Екатерина, давая сапожек Александре.

– В три часа ночи? – удивилась Александра.

– Бросай говорю, – настаивала Екатерина.

Александра, считавшая всё это бредом, перекинула свой сапожек через ворота, и ответ не заставил себя ждать.

– Ой, – услышали сестры чей-то голос за воротами и сильно удивившись быстро вышли на улицу через калитку.

На улице стоял какой-то мужичок и потирал рукой голову.

Екатерина с Александрой представили картину, которая только что произошла и рассмеялись.

– Барышни вы зачем по ночам черевички кидаете? – немного возмущенно проговорил мужичек.

– Простите нас великодушно, вот возьмите, за причиненное беспокойство, – Екатерина порылась в карманах пальто и найдя немного мелочи протянула мужичку.

– А за это благодарствуйте, – взяв деньги сказал мужичек, поклонился и пошел восвояси.

– Ой, подождите, – вдруг вспомнила Екатерина.

Мужичек остановился.

– А как величать то вас по батюшке? – спросила Екатерина.

– А вам за какой надобностью? – удивился мужичек.

– Свечку в церкви за ваше здоровье поставлю, – слушавила Екатерина.

– Николай Мефодич, – ответил мужчина, покачав головой, и посчитав молодых барышень странными, после чего скрылся в ночи.

– Ну вот имя мы теперь знаем, твоего суженного будут звать Николай, – совершенно уверенно произнесла Екатерина.

– Да? И откуда, его ждать? – всё еще не веря, спросила Александра.

– Оттуда, – показав рукой в направлении лежащего на земле сапожка.

– И что у нас там? – иронично спросила Александра.

– Как что? Москва там! – уверенно ответила Екатерина.

Страница.

Люблин не переставал восхищать Николая. Здания в городе, построенные несколько столетий назад, всегда будоражили его сознание на предмет непреодолимого желания их исследования. Но служба отнимала слишком много времени, лишь иногда ему удавалось пройтись через парк, посидеть в нем и подумать о своем.

Вот и в этот январский день, по дороге домой, Николай решил прогуляться по парку.

В парке было удивительно тихо, только иногда скрип снега выдавал приближение редких прогуливающихся посети-

телей этого заснеженного очарования.

Николай подошел к скамейке, смахнул рукой снег и сел на нее. Ему так хорошо здесь думалось о доме, о родителях и двух сестрах, по которым он очень сильно скучал.

Прошло уже десять лет, как по собственному выбору, после окончания Александровского училища, он служил в Варшавском военном округе.

В двадцать пять он был уже капитаном, в двадцать семь окончил с отличием Николаевскую Академию Генерального штаба, как когда-то пообещал своему отцу, который мечтал, что сын пойдет по его стопам.

Он бы и пошел, ведь все его детство прошло в самом престижном Межевом институте, где преподавал его отец и где они жили в квартире, находящейся там же.

Было бы странно если бы Николай не учился в этом самом институте, после выпуска которого стал бы инженером-землемером, специалисты этой профессии были нарасхват.

Объявленная война Александром II в 1877 году – Турции, всколыхнула патриотизм в Российской Империи и взбудоражила умы неокрепших юнцов.

Бесповоротным решением для Николая посвятить свою жизнь Армии, стал победоносный парад Московского гарнизона, вернувшегося на зимние квартиры.

Был разговор с отцом, чье решение в семье не оспаривалось, и отец поддержал сына, только выдвинул два условия, которые Николай поклялся выполнить.

Первым условием было закончить Академию Генерального штаба, вторым условием, он должен был стать лучшим из лучших среди офицеров.

И вот ему уже скоро тридцать лет. Он обер-офицер для особых поручений при штабе четырнадцатого Армейского корпуса, но свободных вакансий нет и долго еще не предвидятся, что означало нулевое продвижение по службе.

При этой мысли Николая немного передернуло, и он понял, что просто подмерзает. Встав со скамейки и отряхнув шинель от снега, Николай быстрым шагом направился домой.

Вернувшись домой, внизу при входе, консьерж вручил ему письмо. Письмо было из дома, от младшей сестры Клавдии. Николай сразу направился в свою комнату.

Комната была небольшая. В углу у самой двери, его всегда встречала вешалка для верхней одежды, железная кровать спинкой вплотную примыкала к печной трубе, небольшой стол у окна, на котором стоял графин с водой и в граненом стакане свеча, рядом всегда лежали спички. По другую сторону стены стоял небольшой комод, рядом на тумбочке в небольшой чаше, кувшин с водой, для умывания, любовавшийся собой в отражении маленького зеркала висевшим над ним на стене.

Комната, выкрашенная в синий цвет, Николая, привыкшему с детства жить на казенных квартирах, ничуть не смущала. Иметь собственный дом с выходом в сад, сидеть на

террасе в кресле качалке читая газеты и пить чай, все это было мечтой, которую он пока даже не лелеял.

Войдя в комнату, рукой нащупав выключатель, включил свет. Затем сняв шинель и аккуратно повесив ее на вешалку, Николай подошел к печи и несколько секунд погрел о нее свои замерзшие руки. Ему очень не терпелось прочесть письмо, он прошел к столу сел на стул и начал вскрывать письмо.

В этот момент погас свет.

– Чёрт, – выругался Николай и нащупав спички зажег свечу поставив поближе к себе.

Клавдия обладала некой дипломатичностью и поэтому вначале расспрашивала, как дела у их всеми любимого Николенки, потом немного рассказала об очередном прибавлении в семье старшей сестры Александры, о себе буквально в двух словах и самое беспокойное, она оставила напоследок.

Приступы грудной жабы, обострившиеся у отца в Тифлисе, который пришлось покинуть по настоянию врачей и вернуться в Москву, особого улучшения здоровью не принесли. Но он продолжает служить в своем родном Межевом институте на должности инспектора. И в самом конце, Клавдия практически умоляла Николая приехать в Москву.

Николай, прочитав письмо, и понимая, что никак не может согреться, снял сапоги, мундир и лег в кровать, укутавшись в одеяло с головой.

Ночью Николаю приснился, как ему потом будет казаться,

странный сон.

Он увидел себя посреди бескрайней пустыни, в том виде в котором лег спать. Песок обжигал ноги не давая наступать на него, солнце светило все время в глаза даже если он старался повернуться к нему спиной.

– Где я? И что, я здесь делаю? – спросил сам себя Николай сев на песок, опустив голову и закрыв глаза, чтобы не смотреть на солнце.

– Вставай, тебе уже пора! – услышал Николай мужской голос.

Николай открыл глаза и увидел, что не далеко от него, стоит человек в военной форме, спиной к солнцу, загорая собой его.

Это был, офицер в белой форме, на фуражке с белым чехлом развивался полотняный наматыльник. Форма показалась Николаю знакомой, такую, спасаясь от жары, носили в Туркестане.

Николай встал, чтобы подойти к незнакомцу и разглядеть его, но ноги не слушались. Ему даже показалось, что лицо человека, кого-то напоминает. Но кого?

– Куда пора? – спросил Николай офицера.

Мужчина молча показал рукой в сторону.

Николай только теперь заметил, что вдалеке виднелся оазис. Как он до сих пор не заметил его сам?

– Лови, – сказал мужчина и кинул Николаю маленький черный бархатный мешочек, перевязанный золотой тесьмой.

– Что это? – удивился Николай.

– Твое время пришло, – ответил мужчина.

Николай развязал мешочек и вытряхнул содержимое себе на руку. Из мешочка выпала большая жемчужина необычной формы, похожая на слезу или каплю.

– Что это? – опять переспросил Николай.

– Она ждет тебя, – сухо произнес офицер.

Николай осторожно запихнул жемчужину в мешочек не смотря на загадочного человека.

– Кто? – спросил Николай, подняв глаза.

Мужчины уже не было и солнце снова стало слепить глаза.

– Кто ждет меня? – крикнул Николай, крутясь на месте в поисках неожиданно пропавшего мужчины.

Ноги опять стало невыносимо жечь, и Николай резко проснулся.

Находясь под влиянием сна Николай начал понимать, что его ногам было невыносимо горячо из-за того, что он во сне уперся ими о печь, а слепящее солнце это свет, который он забыл выключить когда вечером его внезапно отключили, и теперь лампочка слепила его глаза.

Посмотрев на часы, Николай встал и выключил свет. Он решил, что есть еще пару часов и ему непременно удастся поспать, но сон не шел. В голове все время крутились слова: «тебе пора», «время пришло», «она ждет».

«Куда пора? Какое время? Кто она и почему ждет? И причем тут непонятная жемчужина? Приснится же чертовщина

какая-то. Не о том думаю. Письмо Клавдии, вот что перво-степенно. Утром напишу прошение на отпуск, и надо срочно ехать в Москву. Как там отец? Может Клавдия всё преувеличивает? Женщины всегда всё преувеличивают. И всё же: Куда пора? Какое время? Кто она и почему ждет? И причем тут непонятная жемчужина?» – думал Николай, ворочаясь в кровати.

Встав утром, так и не уснув больше Николай направился в Штаб.

В приемной начальника штаба генерала Ричарда Трояновича фон Мевеса было пусто. Одинок сидевший за столом адъютант удивленно посмотрел на Николая.

– Что это вас Николай Николаевич в такую рань сюда привело? – удивился адъютант.

Боевой генерал фон Мевес известный своими подвигами на всю Армию, имея множество ранений все равно оставался в строю. Отличался безграничной требовательностью к офицерам, но никогда не позволял себе не то, чтобы кричать, а даже повышать голос на подчиненных. Вся его требовательность была просто заботой к молодым офицерам.

– Генерал у себя? – только спросил Николай, как раздался звонок и адъютант скрылся за большими дверями генеральского кабинета.

– Юрий Дмитриевич вызовите ко мне капитана Юденича, – сказал генерал, стоя у окна.

– Так он в приемной, дожидается вашей аудиенции, – от-

ветил адъютант.

Генерал удивленно посмотрел на адъютанта.

– А по какому вопросу не сказал? – спросил генерал.

– Не могу знать, не успел, – немного виновато ответил Юрий Дмитриевич.

– Ну тем лучше, как говорится: «на ловца и зверь бежит», зовите, – улыбнулся генерал.

– Слушаюсь, – ответил адъютант и вышел из кабинета.

– Здравия желаю, – четко, и громко сказал Юденич.

Генерал посмотрел на Юденича и рукой предложил присесть в кресло возле своего стола.

– Не буду ходить вокруг, да около. Мы люди с вами военные и поэтому скажу, как есть. Вы молодой и перспективный офицер, я вижу в вас безграничный потенциал. Я думаю, что из вас может в скором времени получиться второй Суворов, – говорил фон Мевес тихим и спокойным голосом.

Николай тоже сидел тихо и внимательно вслушивался в каждое слово, но пока ему совершенно не было понятно, к чему ведет этот разговор.

Генерал, поймав вопросительный взгляд Юденича, встал из-за стола снова подошел к окну.

– В Туркестанском военном округе открылась вакансия на должность старшего адъютанта штаба, – сказал генерал, посмотрев на Николая.

Николай, встав по стойке смирно начал понимать почему его вызвал генерал. Он говорит о Туркестане.

«Ведь тот человек во сне, был в форме Туркестанского округа и еще сказал, что мое время пришло и мне пора. Сон в руку», – подумал про себя Николай.

– Вы согласны занять эту вакансию? – спросил генерал, перебив мысли Николая.

– Так точно, – не раздумывая ни секунды ответил Юденич.

Генерал был немного удивлен такому быстрому ответу, где-то в душе он был настроен, что будет уговаривать молодого офицера. Ведь менять Привислинский край Царства Польского со всеми благами цивилизации на Туркестан, глухую окраину Российской Империи, было совершенно не равноценно.

Но исходя из принципа «куй железо пока горячо», генерал позвонил в колокольчик и в дверь зашел адъютант.

– Юрий Дмитриевич готовьте приказ о переводе Николая Николаевича в Туркестанский военный округ, – приказал генерал.

Адъютант, стоявший несколько секунд в замешательстве, ведь среди офицеров Туркестан считался ссылкой, поймав на себе взгляд генерала, вышел.

– Ну вот и замечательно, я думаю, что вы никогда не пожалеете о сделанном выборе, – попытался подбодрить генерал.

– Ни как нет, – ответил уверенно Николай.

– Тогда можете идти, сами знаете это еще не скоро с нашей

бюрократией, – усмехнулся генерал.

Но Николай стоял на месте.

– Господин Генерал разрешите обратиться? – спросил Николай.

– Обращайтесь, – добродушно ответил генерал.

– Не могли бы вы удовлетворить мое прошение об отпуске, в Москву мне надо, отец совсем плох, – Николай протянул, свое прошение генералу.

Генерал, как будто из чувства благодарности, за принятое решение Николаем перевестись в Туркестан, молча подписал прошение и вернул обратно.

В дверь раздался стук и в кабинет вошел адъютант, пройдя через весь кабинет, он практически не переставал смотреть на Николая. Положил готовый приказ о его переводе на стол генерала. Генерал молча подписал.

Юденич вышел из кабинета генерала в совершенно позитивном расположении духа, во-первых, он переводится в Туркестан, где до сих пор проходят военные действия, и что не мало важно, ему подписали отпуск, и он едет домой.

Вышедший следом за ним адъютант, тихо закрыл двери в кабинет генерала.

– Николай Николаевич, зачем? Зачем, вы согласились? – спросил Юрий Дмитриевич с таким сожалением в голосе, как будто его ведут на голгофу.

– Да я просто подумал, не хочу становиться жирным и ленивым котом, хочу мышей еще половить, – улыбнулся Ни-

колай, взял с вешалки шинель, одел фуражку, отдал честь адъютанту и сразу направился на железнодорожный Вокзал чтобы купить билеты до Варшавы.

На следующий день Николай уже ехал в поезде Люблин-Варшава, предварительно телеграфировав в Москву о своем приезде.

В Москве на вокзале Николая встречала сестра Клавдия со своим мужем Ильей Львовичем Паевским.

– Николенька, – увидев Николая, выходящего из вагона, Клавдия бросилась ему на шею.

Клавдии было двадцать три, и она была уже мамой двух замечательных дочурок, но встреча с братом, отбросила все условности.

Илья Львович стоял молча улыбаясь, в ожидании, когда у жены пройдет эйфория от встречи и он сможет просто пожать руку Николаю в знак приветствия.

– Ну что к Демидовым, знакомится с многочисленными племянниками? – пошутил Николай, когда они сели в экипаж и поехали в такой родной Константиновский Межевой институт, где проживали родители.

– Сегодня не получится, – улыбнулась Клавдия.

– От чего же? – удивился Николай.

– Николаю Ивановичу нужен покой, а от детей столько беспокойства, – ответил Илья Львович.

– Ты, Николенька не переживай, мы с Ильей Львовичем тебя завтра будем ждать к обеду, там с нашими девочками и

познакомишься, – успокоила Клавдия.

– Ну надеюсь, что Александру с Петром я сегодня увижу? – спросил Николай, не зная, чего ждать.

– Увидишь, не переживай, им далеко ехать не надо, – рассмеялась Клавдия.

Муж Александры, Петр Андреевич Лаврентьев, как и отец Николая преподавал в Межевом институте, математику и поэтому, как большинство преподавательских семей они тоже жили в Институте.

Дома все было готово к встрече дорогого гостя.

Мама Николая, Агния Никитична, каждые пять минут подходила к столу и проверяла все поставили на стол или все-таки что ни будь забыли. Александре и Петру было приказано сидеть на диване, чтобы не мешаться под ногами.

Глава семьи Николай Иванович молча стоял у окна, лишь периодически вытаскивая из кармана часы, проверял время. И хотя окна выходили во двор института, но он продолжал смотреть в них так, будто первым хотел увидеть приезд сына.

Александра, не желавшая сидеть неподвижно на диване, послала своего Петра к парадной, чтобы сразу сообщить о приезде брата.

Петр практически по-шпионски вышел из квартиры, а Александра подошла к отцу и обняла его сзади.

– А куда все разбежались? – удивилась Агния Никитична, заметив, что диван пуст.

В этот момент входная дверь открылась и с парадной

шлейфом по квартире разнеслась морозная свежесть.

– Мы приехали! – торжественно и громко сообщила Клавдия.

Все направились к двери.

Агния Никитична, растолкав всех, первая принялась обнимать и целовать своего сына, который еще толком не вошел в дом. Дав все-таки, снять Николаю с себя верхнюю одежду, она пропустила его вперед, подгоняя всех проходить к столу.

Николай Иванович терпеливо ждал, когда сын освободится из объятий матери чтобы прижать его к себе.

Николай, увидев отца заметил, что тот сильно постарел, а ведь ему было только пятьдесят шесть и они с матерью были одногодками, но по сравнению с ней он выглядел лет на десять старше.

Когда дошла очередь до старшей сестры Александры, которая была старше Николая на два года и в ее семье подросло четверо мальчишек, в стенах родительского дома она чувствовала себя всегда маленькой девочкой и не скрывая эмоций, повисла на шее брата.

За столом было шумно и весело, все разговаривали и смеялись, только Николай Иванович иногда улыбался, наслаждаясь, что за много лет вся семья в полном сборе.

После обеда, когда все разошлись, Николай Иванович с сыном прошли в библиотеку, спокойно посидеть у камина и наконец просто поговорить.

– Николай, ответь мне предельно честно. Грядут ли в ближайшее время, какие-нибудь изменения в твоей личной жизни? – спросил Николай Иванович.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.